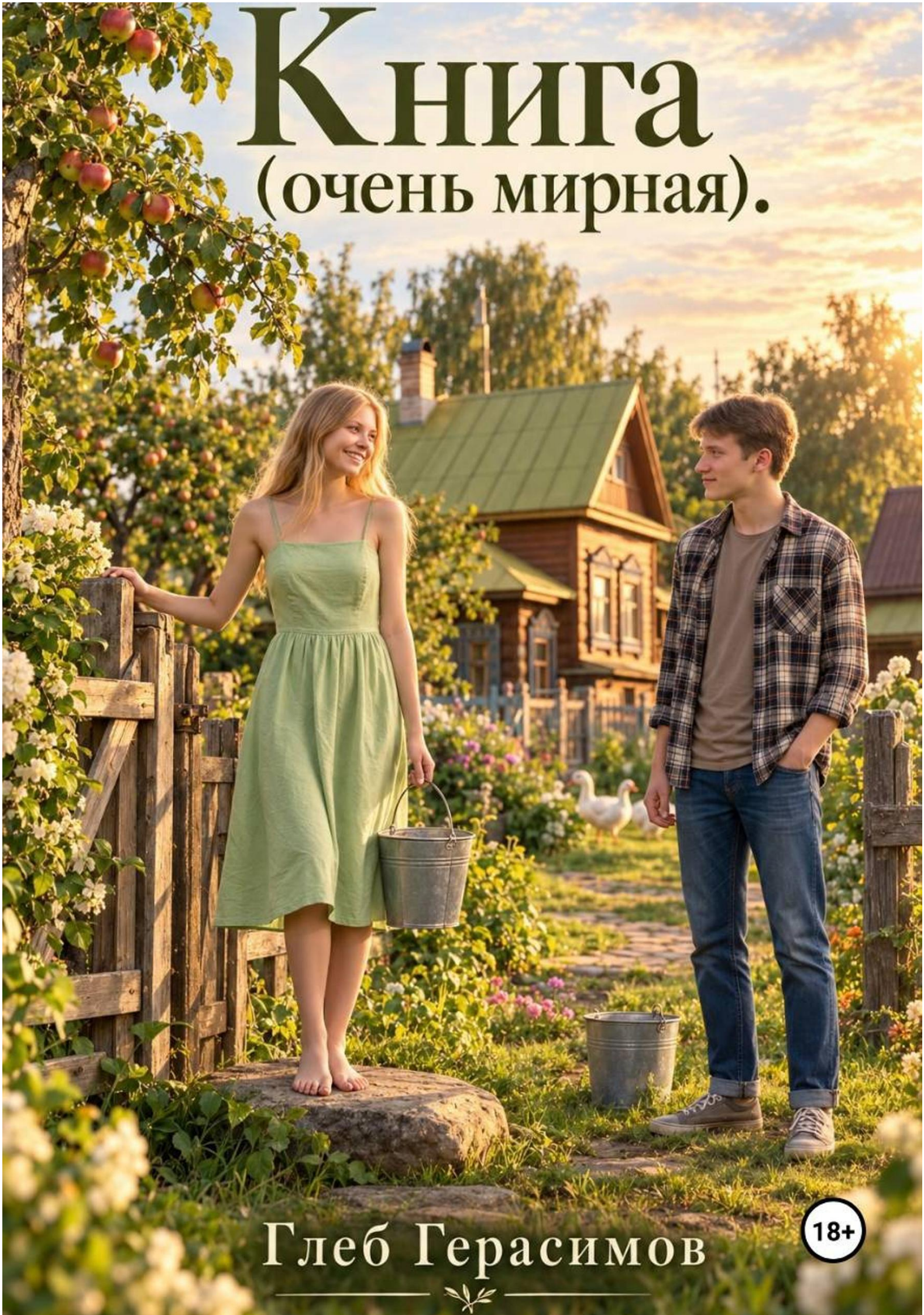
Книга (очень мирная).

Глеб Герасимов

18+

Глеб Герасимов

Книга (очень мирная)

«Автор»
2026

Герасимов Г.

Книга (очень мирная) / Г. Герасимов — «Автор», 2026

Рукопись из 1985 года, проиллюстрированная более чем 100 современными работами прямо по ходу текста.1982 год. Молодой разведчик приезжает в отпуск к старым друзьям в удивительную страну, где знакомство с необычной девушкой перерастает в глубокое чувство. Но в мире с его особой природой и непривычными социальными устоями их связи предстоит пройти через сложные испытания — ведь в голове героя живут совсем другие представления о правильном и должном.Примечание: Перед вами первая книга большого замысла, написанная в середине 80-х. Текст представляет собой законченную сюжетную арку (продолжение в прозе не планируется), а более сотни иллюстраций встроены непосредственно в главы.

© Герасимов Г., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Книга (очень мирная) 6
Предисловие 6
Часть первая 7
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Глеб Герасимов
Книга (очень мирная)

Книга (очень мирная)
Глеб Герасимов

Книга (очень мирная)

Предисловие

Предлагаемый текст является первой частью незаконченного романа, который по первоначальному замыслу должен был быть значительно больше. Однако в силу разных причин была написана только эта часть. Работа над ней относится к 1985 году, а действие происходит в 1982-м.

Спустя 41 год после его создания текст был восстановлен по сохранившейся рукописи, расшифрован и подготовлен к публикации. За это время изменилось очень многое — и вокруг, и во мне самом. Поэтому при работе над текстом мне было важно не переписать его заново с позиций сегодняшнего дня, а по возможности сохранить именно тот роман, каким он был задуман и написан тогда.

Исправления касались прежде всего орфографии, пунктуации, очевидных ошибок, отдельных неточностей и мест, которые требовали сокращения или уточнения. Но язык, представления о мире, отношения между персонажами и сама атмосфера текста в основном сохранены.

Все реплики Рафаэллы во всех её диалогах придуманы Антоном Пестряковым (1966–2006). Эту публикацию я посвящаю его светлой памяти.

Иллюстрации появились уже сейчас. Они не относятся к первоначальной рукописи и создавались как современная визуализация сцен и персонажей романа — своего рода попытка спустя четыре десятилетия снова увидеть тот мир, который когда-то существовал только на бумаге и в воображении автора.

Часть первая

— Здесь человек![1] — воскликнул один из астролетчиков[2], приподняв крышку анабиозного отсека.

— Здесь человек! — мгновенно отозвалось в шлемофонах всех остальных исследователей.

Это произошло спустя час независимого времени после того, как огромный звездолёт цивилизации гуманоидов из большого звёздного скопления в центре галактики пристыковался к маленькому, но, несомненно, искусственно созданному космическому телу, блуждавшему в районе звёздной системы 17-05 КС.

А ещё спустя несколько секунд у анабиозного отсека находились уже все астролетчики и удивлённо рассматривали человека. Да, это был несомненно человек, причём очень похожий на них. Правда, в отличие от рослых, светловолосых и смуглых, как негативное изображение, астролетчиков, он был меньше ростом, белокож и темноволос, но на этом различие кончалось. Чертами лица он удивительно напоминал одну из рас, существовавших совсем недавно на родной планете космических исследователей. Человек был совсем молод, но, видимо, за длительное время нахождения в анабиозе зарос густой чёрной бородой. Но, главное, он был жив. Поэтому было решено перенести его вместе с анабиозным отсеком и самыми необходимыми материалами и документами в звездолёт.

Маленький корабль сильно пострадал за время длительного перелёта, двигательная система была полностью выведена из строя, должно быть, попаданием метеорита, бортовой компьютер не работал, короче, корабль не был способен к управляемому передвижению. Отбуксировать его на ближайшую станцию тоже не было возможности.

Поэтому астролетчики забрали с корабля всё, что могло иметь хоть какую-то познавательную ценность, и, путаясь в оборванных проводах и перешагивая через развороченные приборы, осторожно понесли анабиозный отсек в свой звездолёт.

Несмотря на находку огромной важности — обнаружение разумного существа, причем, несомненно, гуманоида, астролетчики понимали, что вывести его из состояния анабиоза удастся только по возвращении на родную планету, поэтому прихватили нечто вроде вахтенного журнала — небольшую видеокассету, дабы поскорее ознакомиться с мыслями и образом жизни братьев по разуму.

В звездолёте все данные найденного человека были заложены в электронный мозг корабля — огромный компьютер, хранивший информацию о всех известных цивилизациях Вселенной.

Каково же было удивление астролетчиков, когда они узнали, что «означенный тип гуманоидов полностью соответствует обитателям третьей планеты жёлтой звезды 17-24 спектрального класса G, находящейся в районе А135 хвостовой части Галактики. Цивилизация этой планеты, равно как и все жизненные формы на ней, была полностью уничтожена 300 независимых лет назад в результате серии мощных термоядерных взрывов неизвестного происхождения».

Исследователям было отчего поломать голову. Выходит, космический аппарат был отправлен более 300 лет назад? И человек 300 лет находился в анабиозе? Тогда тем более нужно скорее прослушать и посмотреть запись на видеокассете, быть может, она поможет разъяснить загадку таинственных взрывов и гибели цивилизации. Кассету поставили в видеофон, и экипаж, сгорая от нетерпения, впился глазами в экран.

Несколько секунд экран оставался тёмным. Затем вспыхнуло и погасло неясное изображение какого-то механизма. Вскоре экран засветился снова и появилось изображение космического аппарата, того самого, в котором был найден человек. Раздался треск, и из динамиков послышалась мелодичная чужая речь, комментировавшая изображение. Компьютер синхронно переводил. Внезапно изображение корабля исчезло, появился город, сады, люди крупным планом, дороги. Вдруг короткий вздох вырвался у всех членов экипажа — на экране появился тот самый человек. Только он был значительно моложе и без бороды. Он шёл рядом с девушкой, и они, оживлённо жестикулируя, разговаривали. Но чужой язык так же беспристрастно комментировал, а компьютер переводил.

Предлагаем вам авторизованный перевод этой видеокассеты с небольшими сокращениями. Надеемся, он может сослужить добрую службу как нашим современникам, так и тем, кто будет жить после нас.

Итак, включаем запись:

— Прошло уже больше месяца с тех пор, как я, закончив специальную среднюю школу ГУРК[3] в ампийском городе Обервилье и получив по этому случаю новенькие капитанские погоны и шестимесячный отпуск за казённый счёт, без дела ошивался у своих друзей в Мире Чудес (М.Ч.). Собственно, не следует думать, что такие блага предоставляются всем без исключения выпускникам школы. Просто мне повезло: попалось удачное выпускное задание, и последний год учёбы я провёл в городе Аббгреингидда соседнего государства, где мне удалось вывести на свет божий одну подпольную террористическую группку. Для престижа школы это было очень кстати, меня тут же осыпали почестями, присвоили сразу капитана и предложили на выбор либо единовременное вознаграждение, либо неплохо оплачиваемый отпуск на полгода. Немного подумав, я выбрал отпуск и отправился к своим друзьям в М.Ч., где не был уже больше года. Приехал я в М.Ч. в середине февраля, а сейчас уже конец марта. И всё это время я решительно не знал, чем мне заняться. Так мог пройти весь отпуск, и я уже подумывал о том, чтобы вернуться в Обервилье, получить оставшуюся часть вознаграждения и приступить к работе, но мои друзья Колька Брадобрейщиков, Вовка Журавлёв, Антонио Даниэль со своими подругами не оставляли надежды как-нибудь разнообразить моё житьё-бытьё. Наконец Колька громогласно объявил, что мне нужна девчонка. Я фыркнул: года полтора тому назад я, можно сказать, силой затащил в М.Ч. из окрестностей Аббгреингидды великолепную по нашим мер-

кам девчонку по имени Татьяна Светлова. Полгода, даже больше, я с ней возился, приучал к особенностям мирчудесовской жизни, обучал принятым в М.Ч. «хорошим манерам». «Невесту себе выращиваешь», — говорили тогда друзья. Она обучилась, обучилась хорошо, усвоила всё, что полагается. И что же? Теперь она Колькина подруга, а фактически — жена. Нет, на Кольку я не обижаюсь, просто жалко потерянного времени. Во время выпускного задания в Аббгреингидде у меня тоже была одна хорошая возможность, но там уж я крепко держал себя в узде: провалишься — не только карьере, жизни можно лишиться. Так что я считал себя лирическим неудачником и к предложению Кольки отнесся довольно скептически.

Но тут на сцену выступила известная сводница — артистка местной киностудии Рафаэлла Бланка. Рафаэлла — смешная девчонка. Весёлые глаза, вздёрнутый маленький нос. Свою фамилию оправдывает — волосы белые, она стрижёт их коротко и завивает. Мы иногда зовём её «барашек», даже в глаза, но она не обижается. Мне кажется, она вообще не умеет обижаться.

Так вот, эта самая Рафаэлла однажды пришла ко мне и предложила прогуляться. Сказала, есть интересный разговор. Я был не против, потому что хоть мои друзья меня усиленно развлекали, но поболтать с Рафаэллой всегда интересно, и мы пошли бродить по городу. Тут уместно рассказать кое-что о том, что же такое этот М.Ч., где я в то время обретался.

М.Ч. — государство небольшое, размером со Швейцарию, а населением — что-то около 6 миллионов человек. Вообще страна эта очень интересная, хотя бы тем, что в ней перемешана куча национальностей, а государственных языка три — ампийский, русский и венгерский, по наиболее крупным проживающим нациям, причём каждый житель для свободного общения с другими жителями должен знать по крайней мере два из этих языков. Я и мои друзья, как правило, знали русский и ампийский. Дальше по ходу моего повествования я буду рассказывать о других особенностях страны М.Ч., сейчас же назову лишь несколько основных характерных черт.

Мир Чудес — тёплая страна. Так, в городе Камушка, где мы тогда все жили, зимой практически не бывает снега, а ртутный столбик термометра не опускается ниже 0°С. Обычная же зимняя температура — +5–7°С. А в тот мартовский день, когда мы вышли побродить с Рафаэллой, было и вовсе около 20 градусов. Понятно, лето в М.Ч. жаркое, но дожди бывают часто. Правда, они очень тёплые. Я люблю тамошние дожди.

Чем ещё знаменита страна? Прежде всего, там очень хорошие люди живут. В стране нет армии — защиту её от империалистов взяли на себя соседние государства. Там нет совсем уголовного закона, суда и тюрем, а полиция существует главным образом для иностранных туристов. Преступления крайне редки, и преступников, если таковые встречаются, немедленно высылают в страну их происхождения без права повторного въезда в М.Ч. В той стране их и отдают под суд. Так же поступают и с пьяницами.

В стране произрастает много различных сельскохозяйственных культур. Плантации принадлежат кооперативам либо государству. Есть крупные подсобные хозяйства — одно из таких было и у нас в коллективном пользовании (после смерти моих бабушки и дедушки мы жили коммуной в большом восьмикомнатном деревянном доме с огромным садом и прудом; дом формально принадлежал мне, но поскольку я в М.Ч. постоянно не жил, то отдал его в распоряжение друзей, и хозяйством мы пользовались сообща). Некоторые продукты сельского хозяйства и предметы обихода недавно стали выдавать населению бесплатно. Бесплатные также книги. Черный рынок пока еще имеется, но роль его невелика.

Естественно, очень многие люди хотели бы проживать в М.Ч. Но доступ в страну крайне ограничен. Правительство, опасаясь за уникальные природные богатства страны, наложило запрет на иммиграцию в М.Ч. зарубежного населения и допускает лишь небольшое число иностранных туристов. Только немногие люди, с детства росшие в М.Ч., но теперь, в силу тех или иных причин оказавшиеся гражданами других государств (и я в том числе), имеют постоянный пропуск в страну.

Мы шли с Рафаэллой по окраинам Камушки, по тем местам, с которыми у меня всегда связаны воспоминания о далёком детстве. Они немного изменились с тех пор, как я был здесь в последний раз. На северной стороне Высокого Холма почти не осталось маленьких деревянных домиков. Рядом с шедевром модернистской архитектуры — двадцатичетырехэтажным небоскрёбом гостиницы «Сатурн» поднялся гигант универсальный магазин, продававший абсолютно всё — от автомобилей до женских колготок. Мне невольно вспомнился обервильский универмаг «Чайка», круглый, как Колизей.

Ещё дальше, на северо-востоке, виднелись корпуса автозавода ТУБ и жилые дома Городка Автомобилестроителей. Туда уже ходил скоростной трамвай. Но западные склоны холма, где находился и наш дом, оставались нетронутыми. Там по-прежнему стояла тишина, лишь изредка нарушаемая недовольным мычанием какой-нибудь меланхолически настроенной коровы или треском случайного мопеда; из-за низеньких, чисто символических заборов свешивались зелёные шатры самой причудливой формы, а по пыльным улочкам бродили куры и гуси. Высокий Холм, на склонах которого раскинулась Левобережная Камушка, почти полностью изолировал для глаза и слуха эти места от районов новой застройки, так что, находясь здесь, можно было вообразить, будто приехал в деревню.

Мы спускались с холма по его южному склону, и я всё ждал, когда же Рафаэлла начнёт свой обещанный интересный разговор. Но она сосредоточенно молчала, а я решил не приставать с расспросами и увлечённо глазел по сторонам, хотя все эти места были мне хорошо знакомы. Наконец мы подошли к парку и углубились в густую тень уже вовсю зеленых здесь деревьев (всё-таки был ещё март, и для меня, лишь недавно приехавшего из холодной снежной Аббгреингидды, это казалось несколько непривычным). Показалась удобная скамейка, и Рафаэлла, до сих пор хранившая гробовое молчание, вдруг тихо спросила:

— Как ты смотришь на то, чтобы присесть? Мы уже достаточно долго ходили, я устала.

— Ну, давай присядем, — мне было всё равно.

— Кстати, тебе не надоело болтаться без дела?

Интересно, на что намекает? — подумал я, а вслух ответил:

— А какие здесь могут быть дела, я же в отпуск приехал, а не на работу?!

— А разве в отпуске нельзя найти интересных дел? Скажи, например, когда ты последний раз был здесь в кино?

Вот так всегда! Никогда не раскусишь, к чему подбирается. Ну скажите, при чем здесь кино? Всё время говорит загадками. Такая уж она девчонка, Рафаэлла…

— Если честно, ещё не ходил.

— Что тебе мешало, у тебя разве нет друзей, с которыми можно пойти? — Рафаэлла глядела на меня прямо-таки с материнской заботой.

— Просто фильмы с твоим участием ещё не идут! — выпалил я.

Рафаэлла хмыкнула, подобрала веточку и стала водить ею по земле. Потом нараспев проговорила:

— Я и не хочу, чтобы пока вы все смотрели фильмы с моим участием.

— Если я тебя правильно понял, ты предлагаешь мне пойти сейчас с тобой в кино? — предположил было я, но тут же был поставлен на место:

— Ну почему именно сейчас? Соберём ребят, пойдём вместе… (Нет, всё-таки у неё в голове что-то другое!) — Я беру тебя под личную опеку. Скажите, какая забота!

— Я смотрю, вы все меня здесь опекаете. Как приехал, с тех пор и опекаете, да всё без толку… Последние слова я проговорил с прорывавшимся раздражением, но Рафаэлла будто не заметила. Палочка продолжала чертить что-то замысловатое.

— Почему без толку? Я вижу, тебе просто не хочется в кино идти! Ты можешь что-нибудь другое предложить? Не можешь! Тебе лишь бы ничего не делать…

Веточка в руке Рафаэллы слегка подрагивала. На земле появилось нечто вроде человечка с огромным чемоданом. Вскоре чемодан был стёрт. Глаза рисовальщицы были опущены долу, и она всем видом своим показывала, что нарисовать этого человечка — для неё сейчас главная проблема. Смущается она, что ли? — подумал я. — Вот невидаль, друг в отпуск приехал. Наконец, не поднимая глаз от своего человечка, она выпалила:

— Послушай, а вообще что ты делаешь сегодня после четырёх часов?

Ага! Это уже кое-что… Но я не подал виду, что заинтересовался, и с вызовом ответил:

— А я не знаю! Ещё не придумал.

— Ты хочешь придумать это уже после того, как наступит четыре часа? Я бы хотела тебе предложить небольшую прогулку, или… Не желаешь ли ты зайти ко мне?

— Это можно, — сказал я как мог более безразличным голосом.

Палочка сделала несколько зигзагообразных движений, и в руке у человечка вместо чемодана появилась шляпа, которая уже была у него на голове. Заметив свою оплошность, Рафаэлла быстро стёрла обе шляпы. Интересно, почему она волнуется? Боится, что ли, меня? Ведь явно хочет сказать что-то важное. Наконец она выдавила:

— Ну… в общем-то, видишь ли… как тебе сказать… — и снова уставилась на своего человечка.

Я начал терять терпение:

— Что-то ты темнишь, Рафаэлла, темнишь!

Рафаэлла бросила ветку и решительно стёрла ногой всё изображение.

— Ну что темню? Темню! О тебе же забочусь! Подруга у меня есть одна… Очень хорошая девочка. Хочет с тобой познакомиться.

Так вот оно что! И как это я сразу не догадался? Я поругал себя немного за недогадливость — плохое качество для моей работы. Ведь знал же прекрасно, что за фрукт эта Рафаэлла. Разумеется, она меня за тем и позвала, чтобы облечь в конкретные формы «рацпредложение» Кольки по организации моего досуга.

— Интересно! — сказал я вслух. — А это она хочет или ты больше всего хочешь?

— Ну я тоже немножко хочу, конечно… Неужели ты меня не знаешь?

— Не знаю! — ответил я с вызовом. А действительно, почему я должен её знать?

— Но в принципе, она тоже, разумеется. (Сказав главное, Рафаэлла заметно оживилась). Я ей про тебя рассказала, она ответила, что очень интересно, что хочет познакомиться.

Интересно, что она там наплела про меня этой своей подружке? — подумал я и сказал недовольно:

— Ещё неизвестно, захочу ли я с ней познакомиться!

— Вот я тебя и спрашиваю. (Железная логика!)

— А я ещё не решил. Ты мне сначала расскажи, какая она, а потом уже спрашивай.

Логика на логику. Что ж, для начала неплохо. Теперь будем слушать про подружку, про то, какая она красивая и как у неё много поклонников, но она почему-то желает познакомиться обязательно со мной. Рафаэлла может дойти и до того, что станет уверять, будто та заочно в меня влюбилась. И вот уже первые признаки налицо: ей определённо не сидится на месте — смерть как хочется всё выложить. Так и ждала, наверное, моего вопроса.

Ну, так и есть:

— Знаешь, я как-то устала сидеть. Пойдём пройдёмся во-о-он туда! Вон по той аллейке.

— Что ж, пошли!

Мы направились в дальний конец парка, где наш разговор принял более оживленную форму. Рафаэлла не может говорить спокойно, когда описывает своих подружек (а их у неё, наверное, сотни, и она обо всех всё знает). Так и сейчас — размахивает руками, жестикулирует, пританцовывает. Я относительно спокоен, но слушаю с интересом. Мой интерес замечен — это лишь подлило масла в огонь.

— Ну, как тебе сказать, — начала Рафаэлла, — представить я пока тебе её не буду — вдруг раздумаешь. Учится она в колледже, кажется, гуманитарном, или как там он называется…

— А сколько ей лет?

— У меня с ней год разницы. В мою пользу.

— У тебя есть её фотография?

— Даже если бы была, не дала бы.

Это ещё что за новости? — подумал я, — черт их поймёт, этих женщин. Не знаем мы их, совершенно не знаем. А надо бы знать — мне, по крайней мере.

— Почему? — спросил я недовольно.

— А вот не дала бы. Сам думай, почему.

— Хорошо, — с готовностью согласился я. — Буду думать.

Иду и делаю вид, будто усиленно думаю. Но эта задержка явно не по вкусу Рафаэлле, поэтому через полминуты она недовольно произносит:

— Ты об этом сейчас не думай. Думай о другом, пойдёшь или нет? Об этом всегда успеешь подумать.

— Но ты можешь хотя бы рассказать, какая она из себя?

— Ну вот меня видишь? — предложила Рафаэлла, подумав.

— Вижу очень хорошо.

— Волосы сделай более тёмными и длинными.

— Какими длинными? Очень длинными или не очень? (Поясню: коротковолосая, типа Рафаэллы, девчонка не имела бы у меня никаких шансов. Все мои прежние привязанности научили меня ценить длинные волосы, с которыми можно проделывать разного рода штуки.)

— Ну, не знаю, до пояса, наверное, не доходят, сзади, но где-то между поясом и лопатками болтаются.

— Ладно, пускай болтаются, — длину волос я посчитал достаточной. — Дальше что?

— Ну, что… Как человек, она мне нравится. Очень.

— Добрая?

— Да. Ну, какая добрая? Очень сложно говорить. Трудно ей пришлось. Мать умерла, отец запил, устроил один раз дебош, но это между нами, конечно.

Рафаэлла подпрыгнула, сорвала веточку с ближайшего дерева и стала обкусывать листья. Потом продолжила:

— Попал в полицию, там ещё нехорошо себя вёл… в общем… выслали его из страны, она одна осталась. Общество как-то недоглядело — бывают ещё у нас такие промахи, к тому же с документами что-то случилось, так до сих пор одна и живёт… Но теперь уже может и по закону, а тогда… В общем, покатилась девочка вниз. Деньги были, какие отец оставил — отец хотя и пил, зарабатывал неплохо, — на них и жила. Ну что человеку надо в пятнадцать лет? Немного совсем — поесть… Училась плохо. Встретила к тому же подружку, она… ну как тебе лучше сказать… в общем, неправильная девочка была. Потащила вниз её, та вообще учиться бросила.

Рассказывая, Рафаэлла опять начала путаться и запинаться, что обычно за ней не водилось. Видимо, в ней боролись необходимость не слишком лестного описания своей подруги и желание поскорее всё выболтать. Да, подруга, мягко говоря, не совсем обычная. Я был несколько озадачен:

— Ты мне её так описываешь…

— Ну как я могу её тебе описать, ты сам спросил! Потом, правда, поняла она… Год в школе пропустила из-за этого! Поняла, что нельзя дальше так… и что-то в ней, видно, перевернулось, сильная девочка была, вернулась к жизни. Учиться стала, программу догнала, поступила в колледж. Ну, жизнерадостная, конечно, хотя и перенесла столько… как посмотришь — не скажешь, что всё это было. Те, кто её видел, говорят, красивая — из мужчин, в смысле. Я не могу сказать — вам виднее.

Ну, это уже полегче. А то я было подумал, что меня приглашают на роль воспитателя какой-нибудь «трудной» девчонки. И всё же у меня возникли некоторые подозрения насчёт её прошлого, поэтому я начал осторожно:

— Скажи, Рафаэлла, а она твоя очень хорошая подруга?

— Да, мы с ней с детства в очень близких отношениях, — бодро ответила та.

— Она тебе обо всём рассказывает?

— Ну как она может всё рассказывать? Мне кажется, что человек обязательно должен что-то скрывать. По-моему, нет такого человека, который бы выкладывал всё, что он имеет.

Так мне и надо, — усмехнулся я. Как умело она ушла от разговора! И правильно: не суйся, куда не просят. И уже теряя надежду вытянуть что-либо по этому поводу, спросил наудачу:

— Послушай, вот у неё такой был образ жизни, в такие она обстоятельства попала, тут может всякое произойти, тебе не кажется?

— Нет, у неё всё хорошо совершенно. Говорю, она вышла из этой полосы. Ещё крепче стала.

— А кто ей помог в этом?

Рафаэлла призадумалась. Несколько секунд мы шли молча, но она быстро нашлась:

— Да знаешь, я даже особо не отмечаю. Правда, был у неё какой-то мальчик, я не поняла — вроде какой-то очень интересный, я им даже интересовалась много, но… в общем, получилось так, что они поссорились. Не знаю, почему так произошло.

Ладно, замяли, — сказал я себе. — Во всяком случае, сейчас из неё ничего не вытянешь. Хотя наверняка что-то знает, но не хочет говорить. Потом всё равно выясню, конечно, если есть что, да вот не поздно ли будет?

— Короче, как я понял, она сейчас одна и скучает, — перевёл я разговор в день сегодняшний.

— Ну как скучает? У неё много интересов: музыка, танцы, книги. Ходит, интересуется, начитанная. Кстати, совсем забыла… я в этом, конечно, многого не понимаю (я, конечно, стараюсь скрыть, что многого не понимаю); в принципе я ведь человек такой, не интересуюсь ни жизнью современной общественной, ничем… Для меня вся жизнь — кино, кино… Что режиссер скажет, то и делаю… (Ох и хитрая же бестия, — подумал я, — ведь всё же знает, во всём разбирается, однако показать кому — ни-ни!) Рафаэлла продолжила: — А она там что-то читает, какие-то книги, теории, смотрю, понимает; и, когда с ней поговоришь, так смотришь, взгляды у неё самые, ну как бы это лучше сказать, передовые, что ли, по крайней мере мне так кажется.

Этими последними словами Рафаэллы я здорово заинтересовался. Что за теории она имеет в виду? Не Барковский ли? Личность Барковского, автора новейшей сексологической теории, второго, после президента, по популярности человека в М.Ч. меня в последнее время занимала сильно. И познакомиться с одной из его последовательниц — «юнкас» — я, честно признаться, очень хотел. Что, если подружка Рафаэллы как раз и принадлежит к этому беспокойному племени? В таком случае овчинка стоит выделки — шанс надо использовать. Я, разумеется, оставил при себе свои предположения и, как ни в чём не бывало, продолжал разговор, выразив своё умозаключение так:

— Я понял, она девчонка довольно интересная.

Рафаэлла мгновенно оживилась:

— Мало сказать, «довольно». Для меня она очень интересная! Я всегда слушаю её, открыв рот, вот так: (Рафаэлла показала, как она открывает рот). Я, конечно, не пыталась ей этого показать, но сейчас признаюсь. Я хотела, чтобы она тоже меня так слушала, но это бывает редко. Только тогда, когда я рассказываю про свои кинобудни.

Разговаривая, мы прошли всю аллею и вдруг упёрлись в забор. Забор был сырой и деревянный, под ним росли лопухи и крапива. Пахло плесенью. Вдруг Рафаэлла ойкнула — её укусила крапива. Минут пять она насылала всяческие проклятия — парнокопытных, бульдозеры и ураганы — на это полезное растение. Я терпеливо стоял в стороне и ждал. Но когда мы выбрались из зарослей, Рафаэлла тут же забыла про крапиву, зато хорошо помнила, на чём она остановилась, потому продолжала с неменьшим увлечением:

— Вот я иду сейчас здесь с тобой, а она, наверное, где-нибудь сидит, читает, может, тоже где-то ходит одна. Но не скучает, в отличие от некоторых.

Я усмехнулся:

— М-м-м… намёк понят… Ну а скажи, у неё кроме тебя есть какие-нибудь другие подружки?

— Наверное, есть, как так может быть, чтобы не было, конечно, есть!

— И она с ними обычно время проводит, да?

— Ну, как понять, «обычно»?

— Ну, наверное, у неё есть какие-нибудь подружки, с которыми она объединена взглядами, там, общими идеями? Наверное, у них есть какое-нибудь место, где они обычно собираются, обсуждают там всё?

Я не случайно задавал эти вопросы. Если подружка Рафаэллы действительно «юнка», последовательница Барковского, в чём я всё больше убеждался, то у неё обязательно должна быть компания ей подобных, причём вместе с «гнездом», чем-то вроде клуба — именно так, по моим представлениям и по рассказам друзей, должна была выглядеть организация «юнкас». Но Рафаэлла никак не хотела мне говорить, а, возможно, и действительно не знала особенности нынешнего, после «возвращения», образа жизни своей подруги:

— Насчёт места не знаю, но подруги такие, вроде, есть. Я двух-трёх видела из них, а с одной даже знакома. Не знаю, но она мне больше всех этих нравится. Она так держится всегда независимо, понимаешь? Вот видишь их, кажется, что она какой-то центр.

Я задумался. Всё-таки Рафаэлла блестяще выполняет свою задачу — я поймал себя на мысли, что уже заочно зауважал её подругу, и мне теперь уже очень, очень хочется этого знакомства.

— Это хорошо, когда центр, — сказал я. — Ещё значит, что хорошо? Хорошо, что у неё судьба была трудная. Значит, — я помолчал, подумав немного, и закончил тихо, — значит, что она человек хороший. Мне так кажется.

Мы замолчали. Деревья редких пород, которых я не встречал нигде, кроме как в этом парке, тихо шелестели высоко над головами. Да ещё под ногами поскрипывала щебенка. Вдруг Рафаэлла, взглянув на часы, сказала, что ей надо уходить, что её дома ждут, а мы так ничего и не решили.

— Ну так ты хочешь встретиться? — спросила она, уже окончательно подавив своё смущение.

— Только не сегодня, — ответил я резко.

— А что так?

— Мне надо подготовиться. Психологически.

— И что, для этого надо целый день?

— Больше, но я рискну. Узнай, может ли она в субботу? Утром! Ты с ней поговори, и позвони мне завтра по телефону. Идёт?

— Идёт! — радостно воскликнула Рафаэлла и приготовилась уже бежать, но я остановил её и громко добавил:

— Но только условие: знакомить будешь ты! И ещё: возьмём с собой ребят. Хорошо?

— Ладно! — бросила она, убегая, но я опять задержал её возгласом:

— Да! Чуть не забыл: какой она национальности?

— Её отец выслан в Ампио. Пока!

— Пока, — произнёс я вполголоса, так что, кроме меня, это «пока» не услышала ни одна живая душа. Мне сразу стало всё ясно. — Что ж, тем лучше! — сказал я бодро вслух и направился к дому.

Весь следующий день (а это была пятница) я не выходил из дома — ждал звонка Рафаэллы. Однако телефон молчал. Собственно, и дома можно было найти занятие — почитать, например, послушать музыку, но я предпочёл слоняться из угла в угол. Погода была пасмурная, временами шёл дождь — в такие дни обычно не так хочется активно действовать, как хочется жить ожиданием какого-нибудь события, например, звонка по телефону.

Друзья мои (люди занятые, не в пример мне) ушли все по своим делам, так что я остался один. Хотя нет, не один — четвероногие друзья, в отличие от двуногих, были на месте. С ними мне и удалось скоротать время, потому что Рафаэлла позвонила только в 11 ч. вечера. Сообщила, что обо всём договорились и завтра утром за нами зайдёт.

Надо сказать, в течение дня я несколько раз проворачивал в своём мозгу картину предстоящего знакомства, но к вечеру понял, что ничего хорошего из этого не получится — действительность всё равно обманет мои ожидания — окончательно успокоился и с чистой совестью завалился спать.

Утро. Лай собак, звон будильника, гром и молния.

— Уж поливает! — подумал я, выглянув в окно. — И как же мы поедем сегодня? А ведь мы собирались ехать на остров…

Помахав руками, что символически означало утреннюю зарядку, я спустился в кухню и принялся жарить яичницу. Дождь тем временем перестал, но затянутое сплошной пеленой небо отнюдь не обещало нам приятной прогулки, а скромные 15° на термометре ну никак не создавали жизнерадостного настроения!

Грохнула входная дверь, и в кухню влетела мокрая Рафаэлла, умудрившаяся проскочить мимо наших трёх собак и четырёх кошек, не наступив ни одной из них ни на лапу, ни на хвост, и потому оставшаяся непоцарапанной и непокусанной, что с ней редко случалось.

Вот кто всегда бывает весёлым и жизнерадостным!

— Уфф, запыхалась! — Рафаэлла присела на краешек стула. — Ну что, приятного тебе аппетита. Ты готов?

— Психологически да, а физически нет ещё. Поесть надо, — ответил я, снимая яичницу со сковородки.

— Ты один идёшь?

— Нет, ребята идут. Они согласились. Только эти… наши отшельники (я имел в виду Антонио и его жену Свету Спиридонову) опять уехали куда-то… Ты позавтракала дома? — поинтересовался я, собираясь предложить гостье разделить трапезу.

— Да, я сыта, мне ни к чему, — ответила Рафаэлла как-то слишком быстро.

Я пожал плечами и спросил:

— А время-то ждёт, можно нам позавтракать или как?

— Ну конечно, конечно, я, как всегда, знаю вас, заскочила на полчаса раньше.

В это время зашёл Вовка и сообщил, что ребята уже поели, а сам принялся вместе со мной уплетать яичницу.

Оставалось выяснить, где находятся Николай и Татьяна, чтобы приобщить их к делу и пуститься под руководством Рафаэллы в это рискованное предприятие.

— Вовка, зови Татьяну, идём сейчас.

Вовка с полным ртом недовольно пробурчал:

— Погоди, сейчас прожую и позову.

Но Татьяна уже сама спускалась к нам в коротком халатике и с полотенцем через плечо. Странно: никаких эмоций — подумал я о себе.

— А где Николай? — спросил у неё Вовка.

— Да он где-то в саду. Сейчас придёт.

— Странно, я его в саду не заметила, — вполголоса проговорила Рафаэлла. В это время в дверях показался Николай, уже одетый, в кожаной куртке, джинсах и кроссовках.

Рафаэлла глянула на большие настенные часы с кукушкой и тут же принялась всех торопить. Такое с ней часто бывает: до последнего момента — олимпийское спокойствие, будто впереди куча времени, а под конец — аврал. Так и сейчас:

— Собирайся, что стоишь, что на меня смотришь! Собирайся быстрее! (Это она мне). Вон, вон лежит, вон! Да, да, вон твоя кепка! (Это уже Вовке). Ну прямо, как маленькие! Татьяне: сумочку не забудь, вон она на холодильнике, сейчас обледенеет! Да оставь ты мои кроссовки, всё равно не налезут! (это опять Вовке). Ну как, собрались? Вот так. Пошли.

Мы подошли к оранжевому пятиэтажному зданию постройки конца 40-х годов, подавлявшему своей огромностью и вычурностью окрестные стандартные дома. Около одного из подъездов, напротив фонарного столба, стояла компания девчонок. Они о чём-то оживлённо беседовали. Трое из них были обыкновенные, ничем не примечательные девчонки, хотя я заметил — одеты они необычно легко для такой погоды. Ну, а четвёртая… Я вдруг почувствовал, что частота моего пульса предательски увеличивается. Стало трудно дышать — я расстегнул воротник. В дальнейшем Вовка мне по секрету сообщил, что почувствовал то же самое, но тогда мне было не до него — все вдруг куда-то провалились, даже Рафаэлла, самая главная во всей нашей компании. Эта девушка (язык не поворачивается назвать её девчонкой) стояла как будто в стороне, но держалась с таким достоинством, что я моментально понял, что именно она и есть виновница этого сборища под фонарным столбом. Она что-то тихо говорила остальным, которые прыгали вокруг неё, размахивали руками, в общем, вели себя как-то по-детски. Она же стояла совершенно спокойно, лишь изредка поправляя рукой сбившиеся на лоб распущенные тёмно-русые волосы. Неужели это она? — мелькнула в моём мозгу мысль, тревожная и радостная одновременно. Мы подошли ближе, и я смог получше её рассмотреть.

В лице девушки определённо было что-то классическое, идущее ещё от великих скульпторов Эллады. Прямой, чуть вздёрнутый нос, выразительные оленьи глаза, глубокие и какие-то грустные, несмотря на чуть заметную усмешку в уголках рта. Волосы её были распущены по плечам совершенно свободно, безо всяких заколок, одна из прядей падала на грудь. Догадки мои постепенно переходили в уверенность — Рафаэлла быстрыми шагами направилась к девушкам, но те как будто не замечали её, продолжали что-то обсуждать. Мы остались несколько поодаль, но теперь я смог разглядеть заинтересовавшую меня девушку несколько лучше. Да, она действительно была красива — без всяких «но». Она была очень стройной, но несколько худощавой — как раз такие фигуры мне нравятся. На ней была майка цвета лондонского неба, с изображением какого-то выцветшего рок-идола, лицо которого совершенно нельзя было рассмотреть, однако надпись гласила, что здесь изображен никто иной как Род Стюарт. А впрочем я тут же забыл про эту майку, потому что взгляд мой быстро скользнул вниз, и тут со мной стало вовсе твориться что-то неладное, чего до сих пор не случалось ни разу: в горле окончательно пересохло, перед глазами поплыли жёлтые круги — я вынужден был сесть прямо на мокрую траву. Несмотря на прохладную погоду после прошедшего дождя, эта девчонка была… босая. Вытертые до предела джинсы были закатаны до колен, открывая

ноги изумительной красоты. Тут не только про Стюарта, про всё позабудешь! Узкие лодыжки, небольшие ступни, тоже узкие и очень изящные, были мокрые от росы, хотя дождь уже закончился. Но девушка ничем абсолютно не показывала, что ей холодно — а может быть, ей и не было холодно? Спокойно стояла на мокром асфальте, и нигде ни в руках её, ни рядом не было никаких туфель или босоножек. Пока я, несколько ошеломлённый, разглядывал её ноги, она уже успела услать куда-то своих подружек (те, как я заметил, были обуты, хотя и в очень легкую обувь) и сейчас разговаривала с Рафаэллой.

Теперь уже сомнений не было — именно эта девчонка хотела со мной познакомиться! А у меня язык не поворачивался… Так вот они какие, «юнкас»! В летнюю жару, конечно, очень многие девчонки и молодые женщины в М.Ч. ходят босиком даже по центральным улицам

городов — жителям этой страны чужды условности христианской морали, сформировавшей так называемые «приличия», ещё цепко сидящие в обыденном сознании людей даже в социалистических странах — но в такую погоду… Это уже было что-то особенное — сбивало с толку, ошеломляло, притягивало взгляд.

Рафаэлла с девушкой подходили к нам. Мы все сосредоточенно молчали. Я встал с травы. Теперь я молил об одном — чтобы она не ходила домой переодеваться, чтобы именно в таком виде поехала с нами на остров. Но девушка и не думала никуда уходить — тем более вдруг неожиданно выглянуло солнце (правда, тут же спряталось).

— Знакомьтесь: моя подружка Лусия!

Голос Рафаэллы вывел меня (и не только меня) из состояния прострации. Мы все начали оживать.

Ребята представились. Я назвал своё имя. Лусия молчала, покусывая травинку, и рассматривала свои ноги. Что, и она смущается, что ли? Да кто я — мастодонт какой-то или кто? Это уже слишком! Я решительно направился было к Лусии и хотел было заговорить первым, но ноги мои и язык вдруг стали ватными, я махнул рукой и отдал всё дело на откуп Рафаэлле. И тут же услышал её голос: — Ты не помнишь, я не оставила на столе тогда — утром, помнишь, когда ты ел яичницу, маленькую книжечку записную?

— Кого?

— Маленькую записную книжечку.

— М-м, не помню…

— Дома я её, что ли, оставила? Хотела позвонить сейчас, и… Ладно! Ну что, куда вы предлагаете идти?

— Ну как… мы что-то вроде… решали что-то вроде…

— Решали… ну пошли туда, куда решали!

Коля: — Вы что, не помните? Мы же, кажется, собрались ехать на остров Луи? Сейчас пойдём на Думку, возьмём там наш катер, где он там у нас стоит, и поедем. Мы вроде так договаривались?

— Ну тогда пошли?

Коля: — Пошли естественно.

Рафаэлла (мне): так что ж ты встал как вкопанный? Я молча пошёл.

Рафаэлла: — Ну что, как тебе? (тихо)

— Тащусь.

— Нашёл тоже слово. Ну так иди к ней, что стоишь? Поговорите.

— Как?

— Как, как! Ну, о чём-нибудь. Ну как это обычно делается? О погоде… Ну, какая сегодня погода, а? Ну-ка скажи, какая сегодня погода?

— Вроде дождик был…

— Был дождик… А сейчас нет дождика?

— Нету дождика.

— Ну вот и спроси, как она ходит так босиком… ходила ли она босиком по такому дождику?

— Ни в коем случае, не хочу спрашивать!

— Что тебе ещё можно предложить? Так… ну хорошо! О погоде ты вообще не хочешь?!

— Не хочу…

— Правильно делаешь. Ну, скажем, тогда загни тему о Барковском!

— А чё я о нем знаю? Я о нем мало очень знаю…

— Вот и спроси! Спроси её, как человека более знающего, опытного!

Сделай ей комплимент, в конце концов, какой-нибудь… Что, мол, мне сказали, что вы хорошо знаете теорию… (шепотом): Я сказала, в конце концов!

— Ну, пожалуй, попробую, только вот дойдём когда до берега, тогда… Нет, даже не когда дойдём до берега, вот сядем когда в катер, когда мотор, значит, заработает и нас не будет слышно никому другому больше, тогда и можно будет попробовать.

— Хорошо, только я буду сидеть в другой стороне и, так сказать, вы тут сами, сами, сами… А то, конечно, знаю я тебя, опять всё на меня взвалите… Правда, в этом, конечно, я сама виновата!.. Ну ладно, ты подумай, а я пойду поговорю с Лусией пока…

Мы направились к причалу. Я плёлся позади всех, имея при этом двоякую цель: всё время тащиться от созерцания идущей впереди Лусии и в то же время скрыть от неё мою способность спотыкаться на ровном месте, которая почему-то именно сейчас приняла угрожающие размеры. Лусия шла прямо по лужам и о чём-то беседовала с Рафаэллой, которая, старательно обходя небольшие скопления H_2O на тротуаре, описывала вокруг Лусии замысловатую траекторию.

Один раз они оглянулись, и — надо же такому случиться — именно в этот момент я споткнулся и чуть не полетел в лужу, но под внимательным и, как мне показалось, чуть насмешливым взглядом Лусии застыл в воздухе и медленно вернулся в прежнее положение.

Чуть сократив дистанцию, я прислушался к их разговору и понял, что говорят они обо мне. Возможно, это и нехорошо — подслушивать чужие разговоры, но вспомните мою профессию — с этого момента я весь обратился в слух.

Рафаэлла: — Вот этот вот, видишь? Идёт сзади и молчит… Вот, он…

— Я уже поняла.

— Слушай, я тебе забыла про него сказать… он всё время до меня донимается… Он человек довольно интересующийся социальными явлениями, его интересует теория Барковского. Ну я, знаешь же сама, в ней как… этот самый… Как лопушок! Объясни ему, он сам никогда не спросит.

— А не хочу я сейчас про эту теорию говорить, тем более с ним. Что он не знает, что ли, других тем?

— Ну, вот. Ладно, не хочешь?

— Неохота.

— Да, а он так здорово надеялся. Ну в следующий раз ты всё равно с ним поговоришь, я думаю?

— Почему в следующий раз. Можно и сейчас.

— Как-то странно. Вроде только что не хотела, и уже…?

— Я не хотела про теорию. А про что-нибудь другое, так пожалуйста.

— Ну а про что?

— Про тебя. (вздохнув — с вызовом)

— Слушай, а ты голова, голова… Про меня, да! А что ты можешь про меня ему сказать?

— Ну я ему такое про тебя могу сказать, о чём, я думаю, он и не догадывается!

— А, вот про что! Ну он догадывается, догадывается!

— Слушай, я, кажется, его поняла. Он тебе ничего про меня не говорил вот сейчас? Я заметила, вы всё там с ним… шептали вроде бы…

— Ну как, поболтали, конечно… о поездке… Немножко о тебе, конечно, ну, в общем, он за тем сюда и пришёл… о погоде… Какой у нас с ним был разговор о погоде! Он сегодня дождь ругал! Знаешь, как!

— Зря. Дождь хорошая штука.

— Ну вот и скажи ему, что дождь — это очень хорошая штука. Знаешь, он какой грустный — это на него погода так действует!

— Ну, что он стесняется, что у него, девчонок никогда не было, что ли?

— Я не спрашивала (шепотом). Ну, такой человек… стесняется. Может, ты в этом сама виновата! Почему и ты стесняешься?

— Я не стесняюсь, просто жду.

— Он тоже ждёт.

— Так и будем ждать.

— Я прямо не знаю… Я уж всё сделала!

— А собственно мы куда идём?

— Ну как, я же говорила тебе…

— А, да, я вспомнила. Вот, мы вроде бы собирались поехать на катере.

— Ну естественно…

— Знаешь, что? Я думаю, в катере он как раз и разговорится.

— Хорошо бы.

— На него подействует смена обстановки.

— Ну ладно, если она на него не подействует, то, может быть, подействует на меня. Это, конечно, между нами.

— Ну, конечно, между нами. По-моему, сейчас самая главная смена обстановки — я поняла, что я должна удалиться. Это будет действительно самая настоящая смена обстановки. Решайте всё сами.

— Не думай. Смотри, как он на тебя смотрит.

— Не будет смены обстановки, он так и будет на меня смотреть.

— Да не он, не он. А вот он.

— Кто?

— Вот этот вот… Как его? Вовик, что ли, как он себя назвал…

— А он всегда на меня так смотрит…

— Вот значит и не стоит тебе удаляться пока.

— Я имею в виду, от вас. Не совсем. Я с вами поеду, это естественно. Это что же, я тебя оставлю здесь одну?

— В общем, даже если бы оставила одну, я бы не пропала.

— Ну так я понимаю. Просто понимаешь, пока я тут буду между вами ходить, как обычно, по-моему, вы никогда вместе и не будете… Вот, вот, правильно. Вот я к Вовику и сяду!

— Ну и отлично.

Так… очень хорошо! Мы, значит, совершенно одинаково мыслим! А может быть, она умеет читать чужие мысли? А Рафаэлла молодец — как будто и не говорила сейчас со мной!

Ну что ж, в катере так в катере.

Тут надо заметить, что «катер» — название условное. Ни одного катера как такового в нашем распоряжении не было. Были две моторки — большая «Ладога-2» и малая «Крым» — здесь, на Думском причале, и большая моторно-парусная яхта «Мелодия» в разобранном состоянии — на острове. Катером мы условно называли любое из наших трёх плавсредств. Сейчас я справедливо полагал, что Колька выберет «Крым» — незачем гонять на близкий остров большую моторку. Но тут я вспомнил — «Крым»-то пятиместный, а нас шестеро! Правда, мы без багажа, но уместиться вчетвером на заднем сиденье будет сложно. Видимо, всё-таки не удастся Рафаэлле сесть с Вовиком и удалиться от нас!

Мы вышли на набережную Думки и по мокрым скользким ступенькам спустились к причалу. Небо никак не желало проясняться, но дождя не было. Устье реки было затянуто туманом — не очень хороший признак. Причал малых судов был заполнен моторками и катерами самых различных марок. Хозяев, однако, было почти не видно — в такую погоду мало кто желал пускаться в рискованное путешествие. На Колькином же лице не было никаких признаков беспокойства — опытнейший навигатор Колька, практически всю жизнь проведший в поездках по нашим многочисленным рекам и озёрам, не хотел зависеть от погоды.

Я по-прежнему смотрел на Лусию — она, похоже, также не обращала внимания на погоду. Села на краешек какой-то вытащенной на берег списанной моторки, вытянула ноги, упершись пятками в мокрый грунт, зевнула и молча уставилась в сторону грузового порта. Так и сидели, пока Колька ходил оформлять документы на бензин — я смотрел на Лусию, Лусия

смотрела на реку. А поскольку я глядел в ту же сторону, что и она, то огромные причалы, краны и плоские грузовые суда невольно попадались и мне на глаза, хотя я сейчас вовсе не нуждался в дополнительной информации. Так мне и запомнилась эта картина — сидящая на лодке Лусия на фоне грузового причала, танкеров, барж, сухогрузов и теряющегося в тумане устья.

Наконец Колька вернулся, и мы пошли, как я уже догадывался, к «Крыму». Наш «Крым» спокойно стоял под тентом, носом вытащенный на берег. Мы столкнули его обратно, распаковали, уселись. Колька принялся священнодействовать с мотором. Наконец он торжественно занял место водителя, и мы все приготовились покинуть гостеприимную Камушку.

Я буквально пожирал глазами внешне спокойную Лусию. Вот она, счастливая минута! Колька дёрнул стартер — мотор чихнул, но вместо того чтобы заработать, как это подобает порядочному «Вихрю-30», издал звук, похожий на тот, какой издаёт недовольная лошадь, когда ей вместо овса предлагают сено. Колька повторил своё действие — мотор ответил аналогичным образом.

Николай пошёл на корму кокпита — «Крым» угрожающе просел задом, собираясь зачерпнуть воду, — и принялся колдовать с двигателем. Окончив священнодействовать, изо всей силы дёрнул ручку заводки. «Вихрь» отчаянно зачихал, выпуская кольца сизого дыма, и заглох окончательно.

— Не заводится, — обречённо вздохнул Колька, хотя мог бы этого и не делать — всем и без того было понятно, что не заводится. По счастью, у нас был запасной вариант.

Тем же порядком выбравшись на берег и запаковав «Крым», мы все, изрядно недовольные задержкой, пошли к «Ладоге». Только Лусию, похоже, развеселило неожиданное приключение — она вдруг высоко подпрыгнула и приземлилась прямо в лужу, обдав брызгами Рафаэллу, меня и Вовку. Девчонки принялись было в шутку пихаться, но мы уже подходили к «Ладоге», стоявшей на плаву, и они, забыв всё, весело запрыгнули в просторный кокпит пластмассовой лодки.

На этот раз обошлось без происшествий — 60-сильный мотор местного производства заработал ровно, без сбоев, и вскоре мы уже летели на полной скорости, распугивая встречные рыбацкие лодчонки, к устью Думки, к тому месту, где она впадает в озеро Минералы.

Не сбавляя хода, прошли небольшой городок Минералезес у самого устья Думки, и перед нашими глазами предстала необозримая панорама озера Минералы. Берега расходились в разные стороны и терялись из виду. Впереди виднелись только редкие островки, затянутые белой дымкой. Ни одного судна не было видно вокруг. Колька сбавил скорость и твёрдой рукой капитана повел наш корабль вдоль левого берега. Татьяна стояла за его спиной и, боясь шевельнуться, влюблёнными глазами наблюдала его манипуляции. Я криво усмехнулся: вспомнил, как в не столь давние времена мы совершали на той же «Ладоге» «мирчудесовскую кругосветку». Николай тогда точно так же сидел за штурвалом и не интересовался ничем, кроме состояния акватории, но за его спиной рядом с Татьяной стоял тогда я, и вовсе не на него смотрела Танька: руки её были сцеплены у меня на затылке, она порывисто целовала меня в губы и всё звала в рубку. Я рубанул рукой воздух: видение исчезло.

В кокпит ударил ветер, залетели брызги. Я поежился: было всё-таки холодно. Рафаэлла с Вовкой о чём-то весело болтали в рубке.

Вот чёртов «Вихрь» — отнял-таки у меня Рафаэллу! Спрашивается, зачем он отказал? Ну да сколько можно за её спиной прятаться — мужик я всё-таки или нет? Я оглянулся, ища глазами Лусию. Она сидела на крышке рундука у самого мотора, ревущего, как разъярённый леопард, и смотрела на вскипающую за кормой пену. Коротко вздохнув и пытаясь как-то затормозить бешено колотящееся сердце, я медленно направился на конец кокпита и сел на противоположный рундук. Двигатель оказался как раз между нами.

Лусия почувствовала, видимо, мой взгляд, подняла голову и тоже уставилась на меня. Некоторое время мы молча глядели друг на друга, несмотря на попадавшие в глаза брызги. Наконец мне надоела эта игра в гляделки, я набрал воздуха поглубже и выпалил:

— Скажите, вам нравится кататься по озеру в лодке?

Лусия развела руками, давая понять, что ничего не слышит, и что-то ответила мне.

Двигатель ревел, и я, естественно, ничего не понял. Тогда я встал и заорал во всю мочь:

— Вам понравилась наша «Ладога»?

Лусия энергично затрясла головой и в свою очередь попыталась перекричать двигатель. Волосы её упали на лоб и закрыли лицо. Движением головы она откинула их назад и снова стала столь же прекрасной, но, к сожалению, я опять ничего не понял. Тогда она принялась жестикулировать, пытаясь, очевидно, с помощью знаков объяснить мне то, что хотела сказать. Она делала это очень красиво, но, увы, и на этот раз мне пришлось пожать плечами.

Удивившись моей непонятливости, она покинула свой рундук и решительно направилась на мою сторону, но в это время набежавшая волна от проходившего сухогруза так качнула лодку, что Лусия, не удержав равновесие, упала прямо на меня. Мы звонко стукнулись лбами; в это время «Ладогу» качнуло обратно (Колька сохранял невозмутимость), Лусия отлетела на пол и теперь уже я упал на неё. Мы оба сидели на полу кокпита, потирали свои шишки и глубокомысленно смотрели друг на друга.

Вдруг, ещё раз взглянув на меня, Лусия неожиданно прыснула в ладошку. Должно быть, у меня был очень смешной вид. Затем прыснула ещё громче, и, давясь от смеха, махнула рукой и поплелась на свой рундук.

Через минуту Татьяна отвлеклась от созерцания Кольки — её вниманием завладел гомерический хохот, раздававшийся с кормы и временами заглушавший двигатель. Она недовольно повернула голову и вытаращила глаза — мы с Лусией, ещё недавно боявшиеся даже смотреть друг на друга, сидели на одном рундуке и хохотали во всё горло. Лусия показывала на мою штанину, зажатую крышкой рундука. Рундук, должно быть, заклинило, когда мы оба на него

с размаху шлепнулись, и сейчас я пытался встать и не мог. Мы пытались вдвоем сдвинуть крышку, но безуспешно.

Я от души смеялся этому приключению, помогшему разрядить обстановку. Вдруг я заметил, что Лусия смеётся через силу, а одной рукой продолжает потирать лоб. Вынув из кошелька медный пятак — старинную монету, которую всегда возил с собой на счастье, я протянул его девушке. Она сразу стала серьёзной, взяла мою руку с пятаком и приложила к своему лбу. Затем громко произнесла:

— Татьяна, что же ты стоишь, зови ребят, пусть помогут человеку.

Татьяна пошла в рубку, и вскоре оттуда появилась Рафаэлла и Вовка. Они были румяные и счастливые.

— Спасибо, — тихо сказала мне Лусия, встала и продолжала держать пятак сама.

Но и сейчас мы не могли сдвинуть крышку.

Колька, заслышав шум, заглушил двигатель, соскочил с кресла и направился к нам. «Ладога» встала посреди озера, покачиваясь на волнах. С его помощью нам удалось отвинтить крышку рундука целиком, и я наконец смог вытащить свою изрядно помятую штанину. Все облегчённо вздохнули.

Мотор снова взревел, и «Ладога» понеслась в сторону острова Луи. На скорости мы обошли остров Розы с его санаторием и вскоре вдали показалась устрашающая, издали похожая на неприступный замок обрывистая скальная громада — остров Луи, цель нашего путешествия.

В виду острова Колька сбавил обороты двигателя и мы стали на малой скорости обходить неприветливые берега.

— Конечно, это извrат — ехать сюда на «Ладоге», — буркнул он. — Если бы не гости (он кивнул в сторону Лусии), я бы, честно говоря, вернулся, раз старая посудина везти не хочет. Куда, скажите мне, я приткну эту громадину? — ворчал он, ища подходящее укрытие, где можно пристать.

Надо сказать, остров Луи, на который мы прибыли, заметно выделялся среди других островов озера своей, мягко говоря, несколько необычной формой. Восточный берег его был пологим, к нему изредка приставали водные туристы, разводили костры, ловили рыбу. Но эта узкая полоска удобной земли резко обрывалась почти отвесной каменной скалой, возвышавшейся над ней метров на 25–30. Эта скала встречала всех путешественников, вздумавших пристать к острову с какой-нибудь другой стороны. В скале была небольшая трещина, в которую мы обычно заводили свой «Крым» — чтобы снаружи его не было видно. Но «Ладога» войти туда решительно не могла. Пришлось пристать к пологому берегу, где стоял ангар с разобранной «Мелодией», но забраться оттуда наверх не было никакой возможности.

Тут надо пояснить, что же вообще такое остров Луи и какую роль он играл в жизни моих друзей.

Если, находясь на пологом берегу, заросшем кустарником и низенькими деревцами, вы посмотрите наверх, на скалу, то не увидите там ничего примечательного. Но, подплывая к острову с запада, откуда мы и приплыли, можно заметить, что скала образует на высоте около 20 метров обширное плато, заросшее обильной растительностью. Если при этом вы пожале-

ете о том, что в такие красивые места, видимо, никогда не ступала нога человека, поскольку добраться дотуда нет никакой возможности, то ошибётесь.

Эти места уже давно обжиты нами. Как раз в той расселине, куда мы обычно ставили «Крым», находится вход в пещеру, ведущую наверх. О её существовании мы с Колькой разведали ещё лет 8 назад и с тех пор регулярно появлялись «наверху». Но с пологого берега до неё можно было добраться только вплавь. А вода, надо сказать, была довольно холодная.

Мы высадились на пологом берегу. Я помог Лусии сойти — она вдруг вся как-то обмякла, стала тихой и послушной, — в общем, пай-девочка! Тут Колька отозвал меня в сторону и негромко спросил:

— Слушай, как ты думаешь, я тут всё обсмотрел — в общем, нет никакой возможности подняться наверх. Только вплавь. Так может, и не стоит, а? Тем более мы не знаем, что за человек эта Лусия…

— Насчёт Лусии могу за неё ручаться — с неизвестно откуда взявшейся уверенностью отрезал я. — Но подниматься действительно не стоит. Вода холодная, а маленькой лодки у нас нет. Ещё не хватало сейчас кому-нибудь простудиться!

Николай кивнул, пожал плечами и отошёл по направлению к Татьяне. Вообще я заметил, что с появлением в нашей компании Татьяны Колька начал как-то от меня отдаляться. Даже в этот мой приезд он проводил с Татьяной больше времени, чем со мной, хотя часто звал меня в её общество. Но я старался избегать Татьяны.

Оставшись один, я поискал глазами Лусию. Кто-кто, а Лусия определённо не боялась холодной воды! Оглянувшись, я увидел, что девушка сосредоточенно ходит по воде у самого берега, меряя расстояние от «Ладоги» до ангара — двух самых примечательных объектов на берегу. При этом она продолжала прижимать пятак ко лбу. Казалось, ей совершенно ни до кого не было дела.

Рискуя промочить не слишком герметичные ботинки, я подошёл к ней и встал у воды. Она отняла руку с пятаком от лба и улыбнулась. Это придало мне уверенности.

— Всё ещё болит? — осведомился я.

— Нет, спасибо, уже всё прошло, — ответила она, возвращая пятак.

Мне смертельно захотелось сделать девушке что-нибудь приятное.

— Знаешь, что? — вдруг нашёлся я. — Возьми его себе. Насовсем. Хорошо? Он знаешь какой — счастье приносит! — совершенно неожиданно для себя самого я обратился к девушке на «ты». — Ну а как ещё можно было обращаться после происшедшего на катере?

— Спасибо, — ещё раз сказала она, опуская глаза, и улыбнулась одними уголками губ.

Я взял её за руку. Рука была холодная. Она не отняла руку.

— Пойдём на берег, — предложил я. — Простудишься…

— А я никогда не простужусь, — девушка продолжала загадочно улыбаться. — Так уж устроена.

Я был не врач, и мне нечего было возразить.

Мы вышли на берег, поднялись по пологому склону. Взглянув на ребят, возившихся с палаткой, пошли по густой траве в сторону зарослей акации. Когда голоса наших спутников перестали быть слышны, мы присели на невесть откуда здесь взявшееся поваленное дерево и стали глядеть на озеро.

Солнце, только сейчас выглянувшее из-за туч, казалось, лишь за тем это и сделало, чтобы тотчас сесть за горизонт. На востоке уже подкрадывались мохнатые сумерки. Всё-таки ещё не лето, день короткий. Кажется, что совсем недавно отплыли, и вот уже пожалуйста — вечер.

На горизонте едва виднелся белый треугольник — должно быть, шла парусная или моторно-парусная яхта.

Было тихо — ветер не задувал на эту часть острова. Лишь изредка кричали какие-то озёрные птицы.

Мы ещё немного посидели молча. Сумерки совсем сгустились. Стало холоднее. Я снял куртку и накинул её девушке на плечи, закрыв Рода Стюарта. Лусия улыбнулась, повернула голову и, прервав молчание, спросила:

— Скажи, а ты меня сразу заметил? Сразу понял, что я — это я?

— Конечно, сразу. Как только вас всех увидел, мгновенно выделил тебя. Да разве можно тебя с ними сравнивать?

— А почему нельзя? Они такие же, как и я.

— Не смеши меня, пожалуйста. Они и ты — это небо и земля. Они дети, а ты… даже не знаю, как сказать… особенная ты, вот какая! Скажи: вас много таких?

— Каких?

— Ну, таких… как ты!

Лусия переменилась в лице. Глаза её озорно блеснули, и она вдруг с интересом спросила:

— А зачем много? Разве тебе мало меня одной?

— Да нет, я не в том смысле… (Мы оба засмеялись, почти как на «Ладоге». Моя рука стискивала её плечо.) Просто ты меня очень заинтересовала как человек, в частности, твоя манера одеваться… Лусия, а тебе правда не холодно?

— Да не холодно, говорю тебе! И одень обратно куртку, и так, вижу, дрожишь, зуб на зуб не попадает… — увидев, что я собираюсь обидеться, вдруг перестала смеяться, слезла с бревна, встала передо мной на корточки и озабоченно заглянула мне в глаза: — Нет, я честно говорю, мне действительно не холодно. И не обижайся, пожалуйста, просто многие не могут этого понять. Вот и ты, наверное, подумал, что я просто повыделываться решила перед тобой, произвести впечатление. Ведь правда, подумал? — Ничего я такого не подумал…

— Ну ладно, не подумал так не подумал, — примирительно сказала Лусия, но куртку всё же сняла. — Возьми, погрейся, а то совсем замёрз… Думаешь, я не понимаю? Я всё понимаю. Ты всё время шёл как потерянный… Я очаровываю непроизвольно и знаю это за собой… А думают, будто я это специально делаю, с каким-то расчётом. Но просто мне так удобнее. Зачем одевать на себя лишнее?

Я собрался с мыслями и спросил как можно мягче:

— А обувь ты тоже считаешь лишней?

Я попытался изобразить страшного противника босохождения.

— В таких условиях — да. Для меня, конечно. Мы ведь не на симпозиум собрались, правда? К тому же — так гораздо удобнее, а холода я не боюсь — привыкла…

Да ещё (она понизила голос до шёпота) — тебе ведь понравилось, правда? Разве бы я стала делать то, что тебе не понравится?

— С чего ты взяла, что понравилось? (Я всё ещё пытался играть роль.) Может быть, как раз и не понравилось бы…

— Да понравилось, я же знаю, что понравилось! Иначе с чего бы ты всё время дышал мне в спину, когда мы шли на причал? И, увидев, что я смутился, добавила: — Я ведь тоже тебя сразу приметила, как всю вашу компанию увидела на холме, просто не хотела говорить…

Стало уже совсем темно, но ребята нас не искали — видимо, решили не мешать. Я натаскал сухих веток и развёл костёр. Лусия изящно выгнулась, запрокинула голову и вытянулась в струнку, едва касаясь бревна. Потянула ноги к огню — на них налипли сухие травинки. Я осторожно снял одну из них, чуть задержал руку и провёл ладонью по мокрой эластичной коже. Я думал, Лусия отдёрнет ногу. Этого не случилось.

— А таких, как я, пока действительно, к сожалению, немного, — продолжала девушка с лёгкой грустью. Она опять села нормально и пристально смотрела на меня. — Ты ведь пока совсем немного про меня знаешь… Рассказать всё — не поверишь. Ну да я пока и не буду рассказывать. Потом, как-нибудь… А может быть, тебе Рафаэлла расскажет — она это умеет!

Лусия опять помолчала немного и спросила:

— Скажи, а ты надолго к нам? Рафаэлла говорила — в августе уедешь. Это правда?

— Правда.

— Жаль… Я бы тебе столько интересного здесь показала!

— Да мне в общем-то нечего показывать. Я ведь вырос здесь. Просто давно не был, но все здешние места знаю хорошо.

На лице девушки изобразилось искреннее разочарование. Она задумалась, глядя на костёр. В нём тихо потрескивали горящие поленья. Дым от костра медленно поднимался вверх и растворялся в темноте.

— Ну тогда, — едва слышно произнесла она, — расскажи мне про Ампио.

Стараясь не сбиться и не выболтать от волнения секретную информацию, начал я свой рассказ. Прислонив голову к моему плечу, девушка молча слушала.

Я рассказывал про средневековых королей и про нынешних президентов, про столичный город Обервилье и про великого короля Фен-Рилля, жившего в XVIII веке и победившего могущественную Англию, которая осмелилась вторгнуться на ампийскую землю. В то время ему было 16 лет. Я уже дошёл было до великой буржуазной революции 1864 года, как вдруг заметил, что глаза девушки закрыты, а дыхание стало ровным. Лусия сладко спала на моем плече, а я, замолчав, опять тупо уставился на её ноги. Если она будет моей, подумал я, — а надо сделать, чтобы она была моей, — то не исключено, я начну верить в бога, или, по крайней мере, в чудо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.